ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Е.И. Орлова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: ekatorlova@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА, ЖУРНАЛИСТИКА, ФИЛОЛОГИЯ: ПОЛЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Литература и журналистика, родственные по самой природе как типы творческой деятельности, взаимодействуют многообразно. Механизмы их взаимодействия в принципе известны, но еще недостаточно изучены. Особенность специфически русской культурной ситуации состоит в необычайно тесной связи, в которой развиваются не только журналистика и литература, но и филология. В статье это показывается на материале XIX—XX веков.

Ключевые слова: *литература, журналистика, филология, критика, литературная репутация.*

Literature and journalism have much in common being both types of creative activities and cooperate in many ways which have not been studied yet. Exceptional connection of journalism, literature and philology as a specific feature of Russian culture is shown in this paper on the material of the XIX—XX centuries.

Key words: *literature, journalism, philology, literary criticism, literary reputation.*

Поле взаимодействия журналистики с литературой с точки зрения журналистики можно представить в виде расширяющихся кругов: критика; литературная журналистика (что не совсем одно и то же — последнее понятие шире); наконец, публицистика и журналистика в самом широком смысле. Особый вопрос — издательское дело (его касаться здесь мы не будем. — *Е.О.*).

Внутри же этих кругов можно наметить немало точек соприкосновения литературы и журналистики. Например, таких:

1. По самой своей природе журналистика соотносится сразу со многими областями культуры. Но если говорить о журналистике как виде творческой деятельности, то возможно и необходимо рассматривать ее как разновидность литературного труда (работа со словом, создание текста). Неудивительно поэтому, что журналистика и литература представляют собой сопредельные области; поле их взаимодействия достаточно широко.

2. Журналистика всегда была важнейшей составляющей литературного процесса. Об этом говорят даже сами определения, характерные для XIX века: «срочная словесность» (о журналистике), «литератор» (понятие, включающее в себя и писателя и журнали-

ста). Целые жанры возникают и существуют на границе собственно литературы и журналистики (фельетон, очерк, эссе, портрет и т.д. — эта область огромна).

3. Вместе с тем журналистская работа писателя в каждом конкретном случае требует отдельного изучения. Например, для Н.А. Некрасова и М.М. Зощенко — при всем несходстве типов творческой личности — работа в периодике была органичной формой литературного труда, тогда как М.А. Булгаков ощущает свое сотрудничество с журналистикой как вынужденное.

Это имеет не только биографический интерес. Поэтика публицистических выступлений писателя в соотношении с собственно прозой — тоже предмет специальных исследований. «Волосы дыбом, дружок, могут встать от тех фельетончиков, которые я там насочинил»[1], — такова самооценка булгаковского автогероя в повести «Тайному другу», и она, эта оценка, недалека от собственного взгляда писателя на свою журналистику. В то же время и до сих пор остается дискуссионным вопрос о том, как все же соотносится малая проза Булгакова с его повестями и романами: были ли то вариации, более или менее явные повторы счастливо найденного в работе над «Белой гвардией» и рассказами (такова позиция М. Чудаковой) или, как показывает А. Смелянский, в фельетонах, часто построенных как сценки-диалоги, разрабатывались приемы будущих пьес[2].

Другой пример — сатирическая публицистика Зощенко. В наше время убедительно проанализированы собственно рассказы писателя и его фельетоны (при том, что порой разграничить их весьма трудно). И все же в фельетонах мы видим однонаправленный сказ, тогда как в рассказах и повестях — двунаправленный, что и составляет уникальность прозы Зощенко [Мущенко, Скобелев, Кройчик, 1978].

4. Журналистская деятельность может служить кратчайшим путем в литературу. Ясно, что это далеко не единственный путь, но для того же Булгакова он стал вполне реальным. Все же сотрудничество в газетах — это была форма литературного труда, в отличие от работы разносчика объявлений или инженера. Больше того, известность Булгакова, по крайней мере в Москве (но также и за границей, пусть только в кругу эмиграции), началась с фельетонов в «Накануне». Это вскоре улучшило и его заштатное положение в редакции «Гудка», где он поначалу был лишь «обработчиком» писем читателей. Ясно, что «Накануне», тяготевшая к фельетону классического, дореволюционного образца, была Булгакову ближе,

---

[1] *Булгаков М.А.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М., 1990. С. 561.

[2] См.: *Чудакова М.О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988; *Смелянский А.М.* Михаил Булгаков и МХАТ. М., 1986.

чем любой другой тип издания. Еще совсем не исследованы связи фельетонистики Булгакова с традициями «Русского слова», например.

В то же время нет нужды забывать о том, что сотрудничество его даже и с «Накануне» было вынужденным. «Компания исключительной сволочи формируется вокруг “Накануне”, — пишет он в дневнике. — Могу себя поздравить, что я в их среде. <...> Но одно могу сказать с чистым сердцем перед самим собой. Железная необходимость вынудила меня печататься в нем. Не будь “Накануне”, никогда бы не увидали света ни “Записки на манжетах”, ни многое другое, в чем я могу правдиво сказать литературное слово»[3].

5. Хорошо известно, что выход писателя в публичную сферу может круто повернуть его литературную судьбу. Известно, какие последствия были у «пожарной» (1862) статьи Н.С. Лескова, повлекшей за собой обструкцию писателя в литературных и, шире, либеральных кругах. Несомненна связь общественно-политической полемики и прозы Лескова («Овцебык», «Некуда» и др.). Аналогичный по типу, хотя внешне совсем не похожий пример — выступление на диспуте, а затем публикация брошюры М. Волошина о Репине, что в 1913 году закрыло ему пути в литературные и художественные издания. Опять-таки эти два примера, взятые почти наугад, могут встать в длинный ряд многих других.

6. Особая проблема — роль журналистики в создании литературной репутации писателя, истинной или ложной. История литературы знает многие примеры, когда выступления критиков приводят к самым драматическим последствиям в судьбах писателей. Пример — снова один из многих — литературная судьба А.А. Ахматовой: превратное представление о ее творчестве начало формироваться в критике еще в 1910-е годы («Ахматова, эстетствующая любовница, коллекционер острых чувств»[4]), а не в более поздние 20-е, когда критика рапповского толка объявляла ее литературным трупом, а Маяковский публично заявлял о ненужности Ахматовой новому читателю (но в это же самое время в частной жизни немало и с любовью цитировал ее стихи по памяти); продолжение последовало в печально памятных событиях 1946 года. Тот же Булгаков в начале 30-х годов, подводя итог своей литературной жизни, насчитал о себе 301 отзыв в печати, из них 298 — отрицательных. Примечательно, что именно в таком порядке писатель приводил эти цифры в письме к Сталину. Да и те три оставшихся отзыва, которые имел в виду Булгаков, можно считать положительными лишь на фоне двухсот девяноста восьми остальных: ни Н. Осинский, ни В. Переверзев, ни Е. Замятин (авторы упомянутых откли-

[3] *Булгаков М.А.* Под пятой. Мой дневник // Огонек. 1989. № 51. С. 17.

[4] Отзыв В. Шершеневича (цит. по: Клинг, 1992, с. 59).

ков) вовсе не были безусловными апологетами начинающего Булгакова, в чем убеждаемся мы теперь, перечитывая эти отзывы.

С другой стороны, у литературной критики в ее истории есть и свои неоспоримые заслуги: например, настоящее открытие и освоение наследия М. Булгакова происходит в 1960-е годы именно в литературной журналистике, правда в обстановке далеко не благостной: это время жестоких полемических схваток по поводу романа «Мастер и Маргарита»; в 70-е годы выходит одна-единственная статья о театральной постановке по роману с характерным заголовком «Сеанс черной магии на Таганке» (в газете «Правда» и без подписи): ясно, что этим не открывалась, а закрывалась возможность других печатных выступлений о спектакле. Так и произошло.

На судьбу уже не самого автора, а литературного произведения может влиять и история публикаций. Хрестоматийный пример: известно, что не одни только «катковские» поправки сказались на восприятии современниками романа Тургенева «Отцы и дети» — сам факт публикации его именно в «Русском вестнике» предопределил многое в его оценке, так что семь лет спустя после публикации, в 1869 году, Тургенев пишет статью «По поводу “Отцов и детей”», да, пожалуй, и ею дискуссия не заканчивается.

Напомнить об этих прописных, казалось бы, истинах побуждает современное состояние журналистики, необычайно расширившейся на наших глазах за последние несколько десятилетий, так что она, пожалуй, иной раз уже начинает позабывать о своих родовых корнях и о своей истории. Да и примеры, приводимые здесь, несмотря на то, что названы пока — намеренно — только писатели первого ряда, — из области все еще недостаточно изученного взаимодействия журналистики и литературного процесса, хотя многое уже сделано в этом отношении, в том числе и силами ученых, работающих на факультетах журналистики (но и не только).

* * *

Можно ли сказать, что ситуация, когда в отсутствие гражданских свобод литература кроме свойственных ей по самой ее природе функций выполняет еще роль общественной трибуны и в этих условиях особенно тесно связана с журналистикой, — можно ли говорить, что эта ситуация уникальна, характерна именно и только для России? Или *особенно* для России? Я не возьмусь ответить на этот вопрос, хотя, например, по частному поводу русского романтизма начала XIX века А.М. Гуревич замечает: «Русские интеллигенты страдали не от <...> ограниченного характера буржуазных свобод, а от отсутствия всякой свободы» [цит. по: Фридман, 1980, с. 53].

Но, вероятно, можно говорить о специфически русской культурной ситуации, когда мы видим необычайно тесную связь, в которой

развиваются литература, журналистика и филология. В XIX веке это, как уже говорилось выше, срочная словесность, фигура литератора зачастую объединяет в себе писателя, критика... но и филолога. Пушкин мастерски играет стиховедческими терминами в «филологическом» вступлении к «Домику в Коломне» (для вступления оно слишком, несоразмерно большое и не имеет отношения к сюжету поэмы. Это стихи о стихах, описание октав в октавах же). Нет почти ни одного писателя, который бы не печатал критических статей. Правда, Белинский не пишет ни стихов, ни прозы, зато насыщает свои статьи о современной литературе теоретическими размышлениями. Но Некрасов пишет и прозу и статьи, редактирует журнал, мыслит себя заодно с редакционным рассыльным (мы бы сейчас сказали: курьером) — дедушкой Минаем в цикле «Песни о свободном слове»: «Оба мы хлеб добываем / Литературным трудом». При всей иронии здесь звучит и серьезная нота. Если же говорить об интересующей нас проблеме, то надо сказать, что XIX век еще не знает разделения, специализации. Это, можно сказать, эпоха филологического синкретизма.

Литературная критика выделяется как особая область только в XX веке, и то не сразу. В начале же его мы наблюдаем как никогда тесное сосуществование литературы, критики и филологии. Это время — 1900—1910-е годы — В.М. Жирмунский позднее назовет «героическим периодом» в становлении русской поэтики, в первую очередь теории стиха. Не только Валерий Брюсов и Андрей Белый (а его книга «Символизм» еще и сейчас не изучена в должной мере), но и другие поэты занимаются проблемами стиховедения, и даже ученый-медик, в недавнем прошлом директор Института экспериментальной медицины в Петербурге, затем товарищ министра просвещения, а в другие годы — обер-прокурор Священного Синода С.М. Лукьянов пишет статью по теории стиха. В наше время немецкий исследователь говорит о русском «филологическом самосознании» на примере О. Мандельштама, В. Розанова, С. Аверинцева [Херльт, 2011]. И. Анненский создает свои «Книги отражений», из статей М. Волошина складывается целый том «Лики творчества», «Письма о русской поэзии» Н. Гумилева — правда, уже в конце XX века — издают отдельной книгой... Примеры можно продолжить.

Может быть, именно такое интенсивное литературно-эстетическое движение на рубеже веков, но особенно в начале XX столетия, и позволяет литературной журналистике развиться настолько, что она становится особым, заметным в культуре России феноменом. Как ни удивительно, даже потрясениям войны и двух революций не удается вовсе свести на нет блестящие взлеты начала века, хотя особенно пострадала поначалу именно критика, — вероятно, в силу своей принадлежности к журналистике. В 20-е годы, даже в конце

их еще ведутся яростные споры о методологии науки, о границах литературоведения и лингвистики, — скоро они сменятся спекулятивными, конъюнктурными псевдоспорами, которые имели мало отношения к истинной науке, зато были богаты политическими обвинениями противников: о формальном методе, о переверзианстве («переверзевщине», по терминологии тех лет)... Но еще в 1920-е годы даже такие близкие по взглядам ученые, как Ю.Н. Тынянов и Б.М. Эйхенбаум, расходятся в вопросе о природе и месте критики. Для Тынянова критика — это часть литературы, один из ее жанров. Для Эйхенбаума критика — это тоже жанр, но жанр литературоведения, это, по его определению, «журнальная наука» [Эйхенбаум, 1987б, с. 379]. В другой же статье он пишет:

«Критик должен быть своего рода историком, но только смотрящим на современность не из прошлого и вообще не из *времени*, а из актуальности как таковой. <...> Критик отличается от историка[5] литературы только тем, что его эмоция направлена на распознавание того, что образуется на его глазах, что еще никак не сложилось. Усмотреть в этом становлении признаки того, что в будущем окажется “историей литературы”, — основное дело критика.

Как видите — это уже не так далеко от науки»[6] (подробнее см.: [Орлова, 2012, с. 30—46]).

Особенность современной филологии, по Эйхенбауму, состоит в том, что она «приблизилась к проблемам, которые захватывают одинаково и прошлое и настоящее. Тем самым преодолено то расстояние, которое прежде отделяло академического ученого от болтливого критика. Период “читательской” критики кончился — нужны авторитетные профессионалы, к которым мог бы прислушаться и писатель <...>».

Но есть одно условие, необходимое, по мысли ученого, для существования профессиональной критики. Для этого «должны быть журналы — и не какие-нибудь сборные, а тоже долженствующие быть в наше время»[7].

«Поговорим о нашем ремесле» — так называлась еще одна статья Эйхенбаума, написанная 21 год спустя, в 1945 году. Еще не закончилась война (второй номер журнала «Звезда» с его статьей был подписан к печати 5 июня 1945 года, значит, готовился весной), а он снова говорит о том, что «*только* критиков — критиков как таковых» — никогда и не существовало. «Все настоящие критики были или писателями, или учеными. Третьего вида <...> не было, нет и не может быть. Его ищут по недоразумению». И вот тут Эйхенбаум и дает новую формулу понимания критики: «Критика —

[5] В тексте статьи явная опечатка: «истории». — *Е.О.*

[6] *Эйхенбаум Б.* Нужна критика // Жизнь искусства. 1924. № 4. С. 12.

[7] Там же.

это не специальность, а жанр»[8] — то есть, по мысли ученого, жанр литературоведения.

Эйхенбаум, конечно, помнил статью умершего в 1943 году Тынянова «Журнал, критик, читатель и писатель». Практически одновременно с Эйхенбаумом, в 1924 году, и в том же журнале «Жизнь искусства» Тынянов писал: «Критика должна осознать себя литературным жанром, прежде всего <...> Критика должна ориентироваться на себя как на литературу» [Тынянов, 1977, с. 148, 149].

Так еще в 1924 году были обозначены две позиции, которые на протяжении последующих десятилетий проявляют себя то тут, то там, уже, естественно, в статьях других авторов, в спорах о критике (вспомним хотя бы только название книги Б.И. Бурсова «Критика как литература». 1976). Но до недавнего времени никто, кажется, не обращал внимания на такое положение Эйхенбаума из его «Речи о критике» 1918 года: «Художнику мы не нужны, но нужны искусству, которое хочет быть подлинным творчеством» [Эйхенбаум, 1987а, с. 330].

Как это понимать? Вероятно, Эйхенбаум мыслит искусство, критику и филологию как некое общее пространство, если угодно — общее поле, или, во всяком случае, уже бесспорно, — поле взаимодействия. Для него, можно подумать, это вполне очевидно.

Но филологии предстояло еще пройти через методологические сомнения, связанные с использованием в литературоведении точных наук, ощутить его возможности и границы. И во второй половине XX века (если не раньше) ведущие филологи задумываются об общих чертах не только критики и литературы, но также литературы, критики и филологии. М.М. Бахтин пишет о том, что во встрече автора (произведения) с читателем важна со стороны читателя, даже профессионального (добавим мы от себя), не столько точность «измерений», сколько глубина постижения личности *другого* [Бахтин, 1979]. Бахтинское же понимание произведения как диалога автора с читателем примерно в это же время (начиная с 1963 года — переиздания его книги о Достоевском) проникает в филологическое сознание эпохи и начинает многое определять в нем. Независимо от этого Д.С. Лихачев задумывается о некоем «комплексе неполноценности», который испытывает филология, — задумывается, чтобы прийти к выводу: для него нет оснований, просто дисциплинам вспомогательным (текстология и др.) и «центральным» свойственна разная степень «точности», что вполне законно, поскольку отвечает самому предмету изучения [Лихачев, 1976]. С.С. Аверинцев формулирует определение филологии как «службы понимания» и утверждает право автора (писателя или мыслителя) «апеллировать к нам и быть не только объектом, но и

[8] *Эйхенбаум Б.* Поговорим о нашем ремесле // Звезда. 1945. № 2. С. 108.

партнером нашей умственной работы»[9]. Л.Я. Гинзбург говорит о качестве, свойственном литературоведению, наряду, впрочем, и с искусствоведческими науками: «<...> литературоведы — как все изучающие искусство — находятся в особом положении. Не только бактериолог не должен любить бактерию, но даже ботанику не обязательно любить цветы. Им нужно любить науку о бактериях и о растениях. Нам же приносит радость не только процесс исследования, не только результат исследования, но самый его предмет. Литературоведческому анализу предшествует, его сопровождает акт эстетического восприятия. Так создается особое, другим наукам не свойственное отношение исследователя к своему предмету»[10].

Не случайным кажется и то, что книга Б.Ф. Егорова об одном из лучших литературоведов XX столетия называется «Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана». В этом есть что-то очень существенное для понимания самой природы филологического — литературного! — труда.

В.Е. Хализев напоминает о том, что герменевтика — это «искусство и теория истолкования текстов» [Хализев, 1999, с. 106], а раньше пишет об *инонаучной* природе интерпретации [Хализев, 1982]. В наше время открытым остается вопрос о литературной критике: не все филологи склонны включать ее третьим членом в «треугольник» главных литературоведческих дисциплин и ставить, таким образом, рядом с теорией и историей литературы. Но ясно, что в основе и критики и филологии лежит интерпретация, это и роднит их (а по Аверинцеву, как мы видели, понимание — главное, чем занимается филология вообще). Существует же критика в системе журналистики — и вот своеобразный «мост» между нею, то есть журналистикой, литературой и филологией. Собственно, критика и служит этим самым «мостом».

* * *

Правда, в современной культурной ситуации эта близость журналистики и литературы сказывается в явлении, которое не слишком нас радует. Его засвидетельствовал в 2004 году, говоря только о западном мире, представитель Великобритании в комитете русского Букера Джордж Уолден:

«Мне кажется, что проблема состоит в том, что почти все художественное сейчас становится журналистикой. Романы у нас по крайней мере читаются как журналистика: прочитываются один раз, как газета, и кончено. И критика тоже превращается в журналистику. И потому, что это журналистика, она становится очень

[9] *Аверинцев С.С.* Похвальное слово филологии // Юность. 1969. № 1. С. 101.

[10] *Гинзбург Л.Я.* Чтобы сказать свое и новое, надо мыслить в избранном направлении... (Беседу вела А. Латынина) // Вопросы литературы. 1978. № 4. С. 178.

краткой — всего лишь один жест. Чтобы сказать о лучшем романе, дают пятьсот слов. Если бы речь шла о рок-концерте — тысяча или две тысячи слов. И это в большой серьезной газете — “Sunday Telegraph”. Просто нет места для серьезной литературы. <...> 30 лет тому назад в “Times”, в английском “Times”, можно было написать две тысячи слов об одном романе. Теперь — шестьсот. Так что и критика, и современное художественное произведение пишутся, чтобы удержать внимание на две минуты»[11].

Не правда ли, если убрать названия британских газет, на их место можно поставить современные российские издания: все остальное сказано как будто прямо про нас.

Но вернемся к проблеме литература — журналистика — филология.

Характерным кажется и то, что, пройдя через рефлексию относительно «точности — неточности», филология признала за собой право быть и наукой (хотя наукой особенной, несущей в себе, в самом своем названии, как напомнил С.С. Аверинцев, греческий корень, означающий «любить»), и настоящим творчеством, и именно в этом смысле — литературой, во всяком случае, единым с литературой и критикой, а в этом смысле — с журналистикой полем: полем взаимодействия.

Список литературы

Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Клинг О.А. Своеобразие эпического в лирике А.А. Ахматовой // Царственное слово. Ахматовские чтения. Вып. 1. М., 1992.

Лихачев Д.С. О точности литературоведения // Литературные направления и стили. Л., 1976.

Мущенко Е.Г., Скобелев В.П., Кройчик Л.Е. Поэтика сказа. Воронеж, 1978.

Орлова Е. Борис Эйхенбаум как литературный критик // Вопросы литературы. 2012. № 2.

Тынянов Ю.Н. Журнал, критик, читатель и писатель // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

Фридман Н.В. Романтизм в творчестве А.С. Пушкина. М., 1980.

Хализев В.Е. Интерпретация и литературная критика // Вопросы теории литературной критики. М., 1982.

Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999.

Херльт Й. Особенности филологического самосознания в русской культуре XX века: Мандельштам, Розанов, Аверинцев // Учен. зап. Казанского ун-та. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 2.

Эйхенбаум Б. Речь о критике // Эйхенбаум Б. О литературе. М., 1987а.

Эйхенбаум Б. Теория «формального метода» // Эйхенбаум Б. О литературе. М., 1987б.

Поступила в редакцию
24.04.12

[11] Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 9, 10.